

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/hyssgw>

Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации

Сырбо Владислав Анатольевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3685-5781

Крапивина Дарья Андреевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

postdaria42@gmail.com

Аннотация: В условиях стремительного технологического прогресса и повсеместного внедрения искусственного интеллекта в процесс создания различного рода произведений институты авторского и смежного права сталкиваются с новыми вызовами, требующими пересмотра устоявшихся правовых подходов. Цель – рассмотреть проблемы института авторства в контексте произведений, созданных с помощью алгоритмов и машинного обучения. Проанализированы существующие юридические рамки и новые модели, которые могли бы учесть специфику цифрового контента в правовом поле. Рассмотрен вопрос о том, за кем должно признаваться авторство на произведения, созданные искусственным интеллектом: за разработчиком искусственного интеллекта, пользователем, который инициировал процесс создания, задав соответствующий запрос роботу, или за самим юнитом искусственного разума. Уделено внимание проблеме автоматизированного процесса извлечения данных в цифровой среде, который создает повышенный риск нарушения авторских и смежных прав и часто приводит к спорам между правообладателями и пользователями. В результате установлено, что трансформация институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации является сложным и многогранным процессом, который бросает вызов законодателю и правоприменителям, вытесняя устоявшиеся подходы к правовому регулированию отношений, возникающих в сфере авторских и смежных прав.

Ключевые слова: авторское и смежное право, цифровая среда, искусственный интеллект, творческий характер деятельности, авторство на произведение, юнит искусственного интеллекта, использование информации, парсинг

Цитирование: Сырбо В. А., Крапивина Д. А. Трансформации институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2025. Т. 9. № 1. С. 161–172. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-161-172>

Поступила в редакцию 06.12.2024. Принята после рецензирования 20.01.2025. Принята в печать 20.01.2025.

full article

Transformations of Copyright and Neighboring Rights in the Digital Era

Vladislav A. Syrbo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3685-5781

Daria A. Krapivina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

postdaria42@gmail.com

Abstract: The rapid technological development has introduced artificial intelligence (AI) to creative industries. As a result, institutions of copyright and neighboring, or related, rights are facing new challenges that require new legal approaches. The authors examined various copyright issues connected with works of art generated with the help of digital algorithms and machine learning. The analysis of the current laws in this sphere revealed new models that could accommodate the specifics of digital content within the legal domain. The authorship of AI-generated works can belong to the developer of the AI, the user who initiated the process, or the AI unit itself. Automated data extraction increases the risk of infringement, often leading to disputes between rights holders and users. The transformation of copyright and related laws caused by digitalization is a complex and multifaceted process that challenges legislators and law enforcement agencies. It is bound to replace the current approaches to the copyright and neighboring rights.

Keywords: copyright and neighboring rights, digital environment, artificial intelligence, creative activity, authorship, AI unit, information use, parsing

Citation: Syrbo V. A., Krapivina D. A. Transformations of Copyright and Neighboring Rights in the Digital Era. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(1): 161–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-1-161-172>

Received 6 Dec 2024. Accepted after review 20 Jan 2025. Accepted for publication 20 Jan 2025.

Введение

Институт авторского права играет большую роль в развитии сферы творчества и культуры, мотивируя авторов создавать свои произведения и предоставляя правовую охрану результатам их творческой деятельности. В условиях стремительного развития технологий, особенно в сфере цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ), авторское право столкнулось с новыми вызовами, в частности, в способах создания, распространения и использования произведений обнаружилось существенные новшества.

В настоящее время, по оценкам отдельных специалистов, мир переживает Четвертую промышленную революцию или же Индустрию 4.0. Четвертая промышленная революция – это концепция, описывающая текущую стадию технологического развития, которая изменяет способы производства, управления и взаимодействия в обществе [1, с. 33]. Данный термин был введен в оборот Клаусом Мартином Швабом, немецким экономистом, основателем и президентом Всемирного экономического форума в Давосе в его книге «Технологии Четвертой промышленной революции» [2, с. 9, 42]. В ней автор подчеркивает, что Индустрия 4.0 характеризуется слиянием физических, цифровых и биологических технологий, что приводит к значительным изменениям в экономике и обществе. Четвертая промышленная революция основана на быстром развитии технологий, таких как ИИ [3, с. 42–44].

Развитие и постоянное совершенствование технологий ИИ во многом облегчает решение задач, стоящих перед людьми в различных сферах жизни. Во-первых, оно в значительной степени способствует повышению эффективности работы путем автоматизации рутинных задач, позволяя тем самым несколько разгрузить людей и сосредоточиться на более творческих и стратегических аспектах своей деятельности. Во-вторых, ИИ способствует улучшению качества работы в сфере обслуживания, потому как высокотехнологичные автономные системы уже на данном этапе промышленной революции могут за короткий временной промежуток обрабатывать большое количество запросов пользователей и предоставлять им индивидуализированные рекомендации.

Помимо пользы, развитие технологий стало причиной множества неразрешенных по сей день сложностей в области авторского права. Одна из главных проблем – определение автора произведения, созданного технологиями ИИ. Кроме того, в настоящее время

существенно облегчен процесс доступа пользователей к произведениям ввиду их размещения в сети Интернет, что увеличивает опасность нарушения авторских прав, поскольку неограниченный круг пользователей получает возможность и новый инструментарий для копирования и распространения охраняемого контента без разрешения правообладателей.

Результаты

Определение авторства на произведения, созданные при использовании искусственного интеллекта

Технологии ИИ продолжают активно развиваться в самых различных сферах. Тем не менее правовой статус таких систем остается во многом неясным. Важно разобраться, может ли ИИ самостоятельно создавать объекты, подпадающие под наше представление о результатах интеллектуальной деятельности, которые в свою очередь подлежат правовой защите. Нормы российского гражданского законодательства, исходя из природы творческой деятельности, дают достаточно обтекаемое определение объектам авторского права. Так, согласно ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) объектами авторских прав являются произведения в области науки, литературы и искусства вне зависимости от их достоинства и назначения, которые выражены определенным способом. Для того чтобы произведение подпадало под разряд объектов, охраняемых авторским правом, необходимо соблюдение двух условий: во-первых, оно должно быть выражено в материальной форме, при этом речь идет не столько о необходимости его содержания на каком-либо материальном носителе, сколько о способности его восприятия органами чувств. Разумеется, объекты авторского права охраняются вне зависимости от формы, в которой они выражены, однако они должны быть доступными для восприятия людьми. Во-вторых, оно должно быть создано творческим трудом автора, в его содержании должна быть выражена идея. При этом самостоятельным объектом выступает не сама по себе идея, охране подлежит индивидуальная форма выражения мыслей и идей автора [4, с. 51–52]. Под творческим характером охраноспособного произведения подразумевается, что оно было создано не посредством заранее определенной методики выполнения последовательных действий, хотя к объектам авторского права могут относиться, например, схемы, чертежи и карты,

процесс создания которых подразумевает соблюдение некоторых алгоритмов их получения, но не ограничивается лишь механистическим следованием этим алгоритмам. Таким образом, охраноспособное произведение рассматривается не просто как результат механической работы, а продукт творческого труда, в котором индивидуальность автора проявляется через различные средства и формы. Процесс их создания зачастую основывается на личном опыте и особенных методах, которые сложно поддаются описанию и стандартизации [5, с. 115–116, 120–121].

В отношении ИИ существует мнение, что, выполняя запрос человека, он действует лишь по заранее заданным разработчиками алгоритмам, и поэтому не может рассматриваться как-то иначе, нежели технический инструмент, используемый человеком в процессе своей деятельности. Однако действительность опровергает такое представление, становится очевидным, что новейшие технологии способны самостоятельно генерировать новые идеи и изобретения [6, с. 21–23]. Например, «Большая языковая модель» (Large Language Model), являющаяся совокупностью нейронных сетей, обученных на больших базах данных (Big Data), способна самостоятельно распознавать и составлять тексты на естественном человеческом языке, привычном для читателей настолько, что они зачастую и не догадываются, что это написал не человек.

В современном мире люди повсеместно прибегают к помощи ИИ в различных сферах в силу его способности к более эффективному и оперативному выполнению однородных задач на протяжении большого количества времени, в частности, на производстве, в сфере обслуживания и даже в медицине. Это разнообразие поднимает вопросы о правомерности использования уже существующих объектов интеллектуальной собственности при обучении юнитов ИИ, а также о правовом статусе результатов применения ИИ, что требует переосмысления отдельных правовых подходов в сфере интеллектуальной собственности [7, с. 76].

О способности ИИ создавать предметы искусства специалисты и общественность высказываются уже достаточно продолжительное время. В большинстве случаев роль ИИ оценивают в качестве особого инструмента, которым пользуются авторы в процессе создания новшеств, или же он выступает одним из звеньев в цепи этих новшеств [6, с. 24]. В этом аспекте считается, что искусственный разум ничем не отличается от других средств, способствующих достижению того или иного творческого результата. Например, Суд по интеллектуальным правам в Постановлении № С01-57/2014 от 24.07.2015 по делу № А24-1669/2013

рассуждал о творческой основе деятельности автора в процессе создания фотографии при использовании фотоаппаратуры. Суд указал на то, что «под творческой деятельностью фотографа следует понимать следующие его действия по созданию результата интеллектуальной деятельности: выбор экспозиции, размещение объекта фотоснимка в пространстве, выбор собственной позиции для совершения фотосъемки, установка света и / или адаптация своего местонахождения и места нахождения объекта фотосъемки под имеющееся освещение, подбор световых фильтров для объектива, установка выдержки затвора, настройка диафрагмы, настройка резкости кадра, проявление фотопленки (для пленочных фотоаппаратов), проявление фотографий (для пленочных фотоаппаратов), обработка полученного изображения при помощи специальных компьютерных программ (для цифровых фотоаппаратов)»¹. В указанном процессе фотоаппарат является лишь техническим средством, используя которое автор создает объект авторского права, в данном случае речь идет о фотографии. Приведенная судебная позиция в целом до настоящего времени отображает общий подход, в соответствии с которым техника и технологии относятся к разряду вспомогательных средств в процессе творческой деятельности человека. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»² отмечено, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Между тем современный высокотехнологичный машинный разум несравним с фотоаппаратом в привычном его понимании или подобными техническими устройствами.

В настоящее время становится очевидно, что роботы все же способны в автоматическом режиме создавать результаты, подпадающие по своим внешним признакам под разряд объектов авторского права, на которые может распространяться правовая охрана, если рассматривать их отдельно от процесса их создания. Одним из наиболее известных «произведений», созданных ИИ на сегодняшний день, является выставленный в 2016 г. в музеях Нидерландов «Следующий Рембрандт» – портрет несуществующего в реальности мужчины, написанный ИИ на основе проанализированных им работ художника. В сентябре 2020 г. авторитетная британская газета The Guardian опубликовала статью, текст которой полностью был написан ИИ GPT-3. Список подобных примеров можно продолжить и для сферы поэзии, и для сферы создания музыкальных произведений.

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам № С01-57/2014 от 24.07.2015 по делу № А24-1669/2013. *ИПП Гарант*.

² О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 23.04.2019. *СПС КонсультантПлюс*.

Выделяя результат интеллектуальной деятельности в качестве объекта правовой охраны, законодатель, в первую очередь, исходит из традиционного подхода, акцентирующего внимание на творческом вкладе человека. Так, согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь, либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ. Законодательство исходит из постулата о том, что автором творческого произведения может быть только человек, вложивший свои интеллектуальные (творческие) усилия в процесс его создания.

Между тем ключевая профильная международная организация – Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) – не могла не отреагировать на стремительно меняющуюся реальность и в 2019 г. подготовила «Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта», где рассуждает о потенциале ИИ, в том числе и в творческой сфере, и о необходимости законодательного урегулирования сложившейся проблемы с определением субъекта авторского права. В данном документе поставлен ряд актуальных вопросов, ответы на которые еще предстоит найти:

1. Необходимо ли допускать на законодательном уровне возможность признания авторства за роботизированной системой ИИ, или же автором должен быть лишь человек?

2. Если авторские права остаются за человеком, следует ли разработать четкие критерии для определения того, кто именно является автором (разработчик ИИ либо его пользователь), или же эту задачу стоит решать индивидуально?

3. Необходимо ли вводить специальные нормы для регулирования авторства на произведения, созданные ИИ, или же подойдут существующие правила для других технологий?

По мере разрешения обозначенных и связанных с ними вопросов будет создаваться более эффективная и справедливая правовая среда, которая призвана учитывать интересы всех участников, включая

разработчиков технологий, потребителей и, возможно, самих систем ИИ.

В это же время в России Указом «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»³ сформированы задачи развития ИИ. К одной из таких задач относится создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ. Само понятие *искусственный интеллект* в Указе Президента РФ представлено как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [1, с. 35]. В этой связи примечательно, что, с одной стороны, за ИИ как будто бы признается способность превзойти самого человека в результатах «интеллектуальной» деятельности (используется выражение *как минимум*), но, с другой стороны, осознанно или неосознанно, но очевидно пресекаются возможные попытки отождествлять ИИ с человеком с точки зрения когнитивных способностей, оставляя за первым лишь право на имитацию когнитивных функций. Позднее в Распоряжении Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года»⁴ закономерно указано, что одной из основных проблем в правовом регулировании является правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ.

Итак, если ИИ способен самостоятельно генерировать идеи и решения, закономерным является вопрос: может ли юнит ИИ считаться автором, т. е. субъектом права на произведение, и каким образом следует трактовать его интеллектуальные достижения?

В литературе разделяются мнения о том, за кем именно следует признавать авторские права в таких случаях. Некоторые ученые исходят из того, что основанный на алгоритмах процесс генерирования оригинального текста (изображения, музыки) отождествляется с мыслительной деятельностью человека, на основе чего отвергается связь результата интеллектуальной деятельности с личностью самого творца, тем самым происходит отход от устоявшегося понимания автора как физического лица, создавшего соответствующий объект своими творческими усилиями [8, с. 177]. С таким подходом сложно согласиться,

³ О развитии искусственного интеллекта в РФ (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 (ред. от 15.02.2024). СПС КонсультантПлюс.

⁴ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. Распоряжение Правительства РФ № 2120-р от 19.08.2020. СПС КонсультантПлюс.

т. к. он базируется на игнорировании индивидуальности творца, что во многом рассматривается первоосновой авторского права, смыслом его существования. В первую очередь, не следует забывать о философском аспекте данного вопроса, который уходит корнями глубоко в понимание самой природы творчества и его неразрывной связи с личностью автора. Творчество всегда было актом индивидуальности, выражением внутренних переживаний человека, его мыслей и идей, что может быть утеряно в условиях технологического генерирования контента [9, с. 11]. Например, российский юрист и публицист В. Л. Этин, говоря о невозможности приравнивания произведений, созданных роботизированной технологией, и продукта мыслительной деятельности человека, исходит из того, что ИИ способен лишь к генерации текстов на основе объединения уже существующих работ [10, с. 8–12].

Вопрос о субъектности ИИ часто обсуждается не столько в плоскости нормативной возможности ее признания, сколько в плоскости того, насколько это разумно и необходимо, и, если это необходимо в силу неустанно развивающихся и совершенствующихся технологий, то в рамках какого института должны быть оформлены такие права. Со своей стороны не станем отрицать изрядную долю схоластики в сложившейся дискуссии, но отметим, что она легко погашается конкретным практическим опытом. Так, в 2017 г. на международном форуме «Будущих инвестиционных инициатив» ("Future Investment Initiative"), проходившем в Эр-Рияде, власти Саудовской Аравии приняли решение предоставить гражданство своей страны роботу-гидоиду Софии – изобретению гонконгской компании Hanson Robotics [11, с. 95–96; 12, с. 20–25]. В итоге, София стала первым роботом в мире, наделенным гражданскими правами. Конечно, этот отдельный пример не повод для «переворота» в праве, но если подобный опыт будет множиться, к чему имеются все предпосылки, право должно быть способным дать адекватный ответ новой реальности. В этой связи примечательно, что Европарламент как законодательный орган не остался в стороне от тенденций практики и в Резолюции от 16.02.2017 выдвинул предложение о наделении наиболее умных юнитов ИИ, способных к выполнению задач в автономном режиме, особым правовым статусом электронного лица. Вероятно, в этом случае речь идет о наделении роботов некой правосубъектностью наряду с физическими и юридическими лицами. Однако правовая характеристика статуса такого электронного лица остается неясной [13, с. 65–66]. Применительно же к российской правовой действительности, исходя из понимания правосубъектности как способности физического или юридического лица иметь и осуществлять права и обязанности, робот не может считаться субъектом

правовых отношений. Такой подход соответствует онтологической точке зрения, согласно которой ИИ рассматривается в качестве объекта права [14, с. 280].

В настоящее время можно утверждать о существовании нескольких доктринальных подходов к разрешению вопросов определения субъекта авторского права на произведения, созданные роботами:

1. В соответствии с первым подходом, права авторства должны быть закреплены за разработчиком ИИ, т. е. за программистом. По своей правовой природе ИИ условно можно отнести к программе для электронной вычислительной машины (ЭВМ), которая в рамках гражданского законодательства рассматривается в качестве одного из объектов, отнесенных к разряду произведений. Исходя из ст. 1261 ГК РФ, программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Автором технологии цифрового интеллекта считается физическое лицо, вложившее творческие усилия в его разработку. Если исходить из рассматриваемого подхода, то все произведения, написанные ИИ, понимаются в качестве одной из функций робота, созданного программистом, т. е. некоего «побочного продукта». Соответственно, авторство на такие произведения закрепляется за разработчиками на основании того, что именно они заложили в роботизированную систему способность к их созданию [15, с. 172]. Исходя из такого подхода, в 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, призванный закрепить авторство на результаты интеллектуальной деятельности, созданные роботом, за его разработчиками, правообладателями программы, которая непосредственно была использована для их формирования [16, с. 409].

Данный подход, с одной стороны, позволяет избежать правовой неопределенности относительно субъектов авторских прав на произведения, которые были созданы автономными машинными технологиями, обеспечивает защиту интересов создателей ИИ, а также может подтолкнуть разработчиков к созданию новых, более совершенных программ и технологий.

С другой – сторонники такого подхода не обращают внимание на то, что как таковой творческой деятельности программистов непосредственно в процессе создания полученных произведений нет, что уже противоречит базовому пониманию института авторского права. Иными словами, разработчик ИИ создает алгоритм, который затем используется роботом для генерирования текстов, но сам по себе процесс разработки и настройки программного обеспечения не предопределяет создание конкретного произведения.

Участие разработчиков систем ИИ непосредственно в процессе создания последними произведений можно свести к следующему:

- программисты при разработке машинного разума задают лишь формат результатов его будущей деятельности, будь то генерирование ответов в виде стихотворных текстов, музыкальных произведений или объектов живописи;
- они создают базу данных, на основании которой ИИ и составляет ответы на запросы пользователей;
- разработчики предпринимают действия по обучению машинного интеллекта, направленному на автоматизированное генерирование специфических видов объектов авторских прав.

Можно сделать вывод о том, что человек (хоть и обеспечивает) не играет ключевую роль в процессе создания результатов деятельности ИИ, т. к. итоговый результат создается именно роботом в автоматизированном режиме, а человек лишь создает некие условия для его функционирования. Следовательно, разработчик не вносит индивидуального творческого вклада в созданное ИИ произведение и, соответственно, не может считаться его автором [9].

2. Второй подход предполагает признавать в качестве автора произведения, созданного роботом, пользователя программы, разработанной на основе ИИ. Основным аргументом этой позиции является то, что такие произведения создаются в результате взаимодействия юнита ИИ и его пользователя-физического лица, который задает основные параметры, выбирает стиль, тему и другие аспекты, т. е. формирует исходные данные и контролирует конечный результат [17, с. 130].

В целом недостатки такой точки зрения схожи с недостатками первой и сводятся к отсутствию решающего творческого вклада со стороны пользователя в создании произведения как результата интеллектуальной деятельности [18, с. 157].

Указанный подход отчасти применим и не будет противоречить российскому гражданскому законодательству, если созданное ИИ произведение в последующем будет изменено пользователем. Так, согласно п. 1 ст. 1260 ГК РФ лицу, осуществившему переработку производного произведения, предоставляется право авторства соответственно на результат, полученный в ходе переработки [19, с. 171].

3. Третий подход, ограниченно предлагаемый теоретиками в области авторского права, заключается в наделении правами авторства на произведения, созданные роботами, самих юнитов ИИ. Такая позиция, существующая лишь в ранге гипотезы, подвергается критике со стороны большинства ученых, которые исходят прежде всего из отсутствия необходимости признавать ИИ, существующий, по их мнению, в статусе специфичного объекта гражданского права, в качестве субъекта и наделять его правами

и обязанностями наравне с индивидуальными и коллективными субъектами гражданских правоотношений [1, с. 34]. В первую очередь, по мнению, в частности, С. Е. Чаннова, нормы гражданского права должны быть направлены на охрану прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и юридических лиц [20, с. 97]. Отход от данной догмы сулит глобальные изменения во всей правовой системе, что в том числе может привести к падению института авторского права в том виде, в котором он существует по сей день. Не будучи сторонниками радикального признания за ИИ некой правосубъектности, все же отметим, что в обосновании позиции и контрпозиции в приведенном подходе каждая из сторон далека от исчерпывающей убедительности: сторонники этого подхода ограничиваются выдвиганием гипотезы без представления ее доказательств-обоснований, противники же в своей аргументации не слишком отделились от формулы *этого не может быть, потому что не может быть никогда*.

4. Согласно четвертому подходу, у произведений, созданных на базе ИИ, вовсе не может и не должно быть автора ввиду специфичности их происхождения. В соответствии со ст. 1225 ГК РФ личные и неимущественные, а также исключительные права первоначально (в отношении исключительных прав) принадлежат автору результата интеллектуальной деятельности [21, с. 144–145]. Ввиду того, что на основании рассматриваемого подхода автор у произведения, созданного автоматизированным машинным разумом, отсутствует, личные неимущественные права не находят своего субъекта, т. е. в отношении такого объекта они вовсе отсутствуют. При этом неразрешенным остается вопрос о том, кому будут принадлежать исключительные права [22, с. 126]. В данном ключе предлагается провести аналогию с нормой ст. 136 ГК РФ, согласно которой плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. А. В. Гурко предполагает, что ввиду отсутствия у произведений, сгенерированных системой искусственного разума, автора как такового исключительные права на такие результаты интеллектуальной деятельности должны первоначально возникать:

- 1) либо у владельца устройства, которое было использовано для автоматизированного создания произведения;
- 2) либо у пользователя программного обеспечения, которое применялось для генерирования результата интеллектуальной деятельности;
- 3) либо у правообладателя такого программного обеспечения [23, с. 14].

Вопрос, кто же будет являться автором произведения, созданного ИИ, на сегодняшний день остается неразрешенным и весьма дискуссионным в доктрине гражданского права. Постепенная разработка критериев для определения авторства в дальнейшей дискуссии сможет решить сложившуюся проблему.

До тех пор, пока указанная проблема доктринально и нормативно не решена, полагаем правильным придерживаться позиции, согласно которой обладателем авторского права остается человек как правоспособное физическое лицо, чьим непосредственным или опосредованным творческим трудом был создан соответствующий объект, однако принципиальным требованием правового режима использования ИИ при создании такого объекта должно стать императивное требование об указании наряду с автором также и соответствующего юнита ИИ в качестве используемой технологии (средства) получения произведения. Пусть в этом случае и нельзя будет говорить о собственно соавторстве, но это позволит сбалансировать интересы разработчиков технологий, их пользователей и общества. Постепенно, двигаясь по пути выработки критериев вклада ИИ в процесс создания произведения, можно будет всерьез обсуждать необходимость указания ИИ как соавтора. Аналогичный подход можно предложить и для решения вопроса о том, каким образом авторские права будут распределяться между разработчиками ИИ и пользователями. В этой связи важно ориентироваться на соблюдение баланса интересов всех сторон, обеспечивая при этом стимулирование инноваций и развитие технологий.

Парсинг как инструмент, создающий повышенную опасность нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет

С развитием компьютерных технологий и глобальной сети Интернет произошли значительные изменения в среде и условиях, при которых авторские права реализуются. В частности, переход большинства объектов авторских прав, таких как произведения литературы, живописи, фильмы, музыка, в цифровую среду стал одним из ключевых проявлений такой трансформации. Безусловно, глобальная сеть во многом упростила процесс распространения произведений, предоставив авторам возможность самостоятельно, т. е. без обращения к более традиционным каналам популяризации, прибегать к так называемой онлайн-дистрибуции. Это открыло новые возможности достижения аудитории для независимых артистов и авторов. Благодаря Интернету произведения стали доступными для пользователей в любой точке мира, что способствует расширению культурного обмена и доступности разнообразного контента [24, с. 150–151].

Однако наравне с преимуществами цифровизации контента такие изменения породили новые проблемы

в сфере защиты прав на интеллектуальную собственность. Увеличение доступности контента привело к росту нарушений авторских прав. Веб-пиратство стало серьезной угрозой для авторов и правообладателей, поскольку интернет-технологии упростили нелегальное копирование и распространение произведений. В законодательстве определения термина *пиратство* применительно к копирайту не содержится, под ним принято понимать действия по несанкционированному копированию и последующему распространению информации, защищенной авторским правом, без ведома ее правообладателя. В связи с такими действиями в последнее время упоминается явление, обозначаемое термином *парсинг*.

Парсинг (скрапинг, кроулинг) понимается как процесс по автоматизированному поиску и сбору информационных фрагментов, в наибольшей степени отвечающих запросам пользователей [25, с. 54–55]. Ежедневно мы сталкиваемся с этой технологией при осуществлении поиска информации в сети Интернет. Бот на основании нашей заявки анализирует большое количество сайтов, содержащих информацию, хотя бы косвенно отвечающую на наш запрос, и выбирает отдельные, наиболее подходящие фрагменты. В силу того, что алгоритмы робота настроены на наиболее эффективное выполнение данной задачи в короткие сроки, парсинг представляет из себя новое автоматизированное средство, создающее новый уровень угрозы нарушения авторского права [26, с. 33]. Хотя бы неправомерное извлечение информации может выполняться и вручную, современные алгоритмы способны в считанные секунды обрабатывать огромные объемы информации, делая этот процесс не только быстрым, но и экономически выгодным. В отличие от ручного извлечения данных, которое зачастую ограничено человеческими ресурсами и временем, автоматизированный сбор может приводить к масштабному нарушению прав.

Применение парсинга пока не удостоилось отдельного внимания законодателя, судебная практика в этом вопросе незначительна и не дает однозначного ответа относительно правомерности такого способа сбора информации. Из наиболее заметных примеров часто приводится судебное разбирательство между ООО «ВКонтакте» и Double Data (дело № А40-18827/2017).

Рассмотрение указанного дела длилось шесть лет и закончилось только в сентябре 2022 г. ООО «ВКонтакте» является популярной социальной сетью, аппаратно-программным комплексом, состоящим из нескольких частей. Информационную его часть составляют несколько баз данных, одна из которых сформирована на основании информационных единиц о каждом из пользователей социальной сети. По состоянию на 13 января 2017 г. установлено, что в представленной сети зарегистрировано 406901079 пользователей.

ООО «Дабл» – это организация, занимающаяся научной и исследовательской деятельностью, в том числе по разработке программы, направленной на поиск информации о физических лицах. В частности, программное обеспечение, разработанное ООО «Дабл», было направлено на автоматизированный поиск данных о пользователях социальной сети ВКонтакте на основании минимальных сведений [27, с. 35], например, ФИО, вводимых в поисковой строке, временном эшировании полученной информации на оперативном запоминающем устройстве компьютера пользователя и отображении полученных результатов поиска в количественном показателе. Истец, ООО «ВКонтакте», посчитал, что программа нарушает принадлежащие ему смежные права на базу данных социальной платформы, и по этой причине обратился в суд с иском заявлением к ООО «Дабл» с требованием о признании его действий по сбору информации из базы данных неправомерными.

Истец выстроил свою правовую позицию на том, что он обладает смежными правами на базу данных, сформированную в том числе из сведений о зарегистрированных лицах. Кроме того, обеспечение функционирования социальной сети, в том числе и создание базы данных ее пользователей, потребовало от ООО «ВКонтакте» значительных материальных, финансовых и иных вложений. В то же время ответчик неправомерно, т. е. без заключения соответствующего соглашения с правообладателем, извлекал из нее информацию в целях исполнения своих обязательств перед контрагентом – АО «Национальное бюро кредитных историй», для которого ООО «Дабл» обязалось предоставлять извлеченную и обработанную в автономном режиме информацию о физических лицах, в том числе такие сведения, как фамилия и имя лица, место его рождения и проживания, фотографии профиля, регулярность посещения сайта социальной сети, устройство, с которого такое посещение осуществляется, а также место работы и учебы. АО «Национальное бюро кредитных историй», в свою очередь, на основании полученных данных проводило оценку кредитоспособности лиц, являющихся заемщиками банков и иных кредитных организаций. В соответствии с п. 1 ст. 1335 ГК РФ изготовителю базы данных, создание которой (включая обработку или представление соответствующих материалов) требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат, принадлежит исключительное право извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом (исключительное право изготовителя базы данных). Никто не вправе извлекать из базы данных материалы и осуществлять их последующее использование без разрешения правообладателя, кроме случаев, предусмотренных законом. При этом под извлечением материалов

понимается перенос всего содержания базы данных или существенной части составляющих ее материалов на другой информационный носитель с использованием любых технических средств и в любой форме. Таким образом, только обладатель смежного права на базу данных, т. е. ее создатель, вправе беспрепятственно осуществлять из нее выемку информационных единиц, в совокупности составляющих значительную его часть, а также всего массива информации.

Арбитражный суд, рассматривавший данное дело в первой инстанции, отказал истцу в удовлетворении заявленных требований в полном объеме. Принимая это решение, суд исходил из трех оснований:

- по его мнению, истец не предоставил доказательств, свидетельствующих о том, что им была создана база данных в понимании, соответствующим п. 2 ст. 1260 ГК РФ;
- истцом не доказан факт того, что представленная база данных была создана путем существенных материальных, финансовых, организационных и иных вложений, как то закреплено в п. 1 ст. 1334 ГК РФ. На основании пунктов 5.12, 8.2, 8.5 «Правил пользования сайтом ВКонтакте» ООО «ВКонтакте» не предпринимает действий, направленных на размещение информационных материалов на профиле пользователей социальной сети, и не корректирует размещенные ими данные. Суд указал на то, что все произведенные затраты должны носить целевой характер, т. е. должны быть направлены непосредственно на изготовление базы данных;
- истец не привел убедительных доводов, на основании которых можно было бы сделать вывод о том, что ему принадлежат смежные права на соответствующую базу данных [28, с. 68–70].

Суд апелляционной инстанции в свою очередь не согласился с выводами суда первой инстанции и принял решение об удовлетворении исковых требований в части, признав доказанным факт наличия у истца смежных прав на рассматриваемый объект интеллектуальной собственности, а также подтвердив факт неправомерного извлечения ответчиком информации из базы данных, принадлежащей истцу.

Суд по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции согласился с тем, что истец является изготовителем базы данных, отверг довод ответчика о том, что сам процесс формирования базы данных происходил без непосредственного участия истца, посредством размещения пользователями своих персональных данных, указал на то, что для возникновения у лица смежных прав на базу данных не имеет значения, были ли финансовые вложения сделаны непосредственно на изготовление такой базы данных, важно лишь, что ее создание стало результатом значительных финансовых и материальных затрат лица. Однако, отменяя решения нижестоящих

судов и направляя дело на новое рассмотрение, Суд по интеллектуальным правам исходил из недоказанности факта противоправного извлечения информации ответчиком.

Далее дело при новом рассмотрении прошло три инстанции и в итоге было окончено заключением сторонами мирового соглашения, согласно условиям которого ответчик обязался прекратить выемку информации из базы данных истца, что, однако, не должно было трактоваться как признание ответчиком какого-либо из заявленных истцом требований. Фактически стороны в результате затяжного спора отказались от своих первоначальных позиций, установив своего рода *status quo*, причиной чему в немалой степени явилась именно неполная правовая определенность в широко применяемой сфере массивированного автоматизированного копирования информации.

Дело ВКонтакте v. Double Data стало достаточно резонансным и широко обсуждаемым, оно подняло важные вопросы о правомерности парсинга информации. Судебный процесс продемонстрировал сложность и неоднозначность регулирования автоматизированного сбора данных, когда речь идет о контенте, защищенном смежными правами. С одной стороны, парсинг может быть необходимым и высокоэффективным средством анализа данных, а также средством создания и функционирования новых сервисов. С другой стороны, он может нарушать права владельцев контента, что делает эту практику потенциально противоправной в определенных обстоятельствах. В конечном счете вопрос о правомерности парсинга до сих пор остается открытым и зависит от конкретных обстоятельств в условиях действующего законодательства, регулирующего авторские и смежные права и защиту данных. Это подчеркивает необходимость более четкой правовой базы для подобных технологий, очевидно, что при ее разработке необходимо учитывать интересы как правообладателей, так и пользователей данных.

По приведенным выше мотивам, обращаясь к правовому настоящему, отметим, что, по нашему мнению, автоматизированный сбор информации может быть признан незаконным, если пользователи без разрешения правообладателя изымают защищенный авторским правом контент из коммерческих соображений, в то время как использование открытых данных для личных нужд не противоречит закону. Кроме этого, в качестве одного из критериев правомерности иногда выделяется незначительность объема изъятых информации. Согласно п. 4 ст. 1335.1 ГК РФ, лица, использующие информацию из обнародованной базы данных в своих личных, некоммерческих целях, вправе извлекать информацию, составляющую незначительную часть такой базы данных.

Однако, как это часто бывает, критерии значительности или незначительности объема остаются неопределенно оценочными. Приведенная выше норма предусмотрена для случаев изъятия информационных материалов из баз данных, однако мы не видим препятствий для применения аналогичного подхода и к случаям извлечения фрагментов из других типов информационных ресурсов.

Заключение

Трансформация институтов авторского и смежного права в условиях цифровизации представляет собой сложный и многогранный процесс, который бросает вызов законодателю и правоприменителям, вытесняя устоявшиеся подходы к правовому регулированию отношений, возникающих в сфере авторских и смежных прав. Наблюдающиеся тенденции предоставляют возможность и подталкивают к пересмотру традиционных подходов к охране интеллектуальной собственности. Столкновение с новыми реалиями, такими как создание произведений ИИ, требует переосмысления понятия авторства и его правовых оснований. Важно не ограничиваться адаптацией существующего законодательства, но и разработать новые механизмы, способные учитывать специфику цифрового элемента.

Автоматизированные системы, с одной стороны, способны генерировать контент с высокой степенью оригинальности, что ставит под сомнение существующие модели защиты авторских прав. С другой стороны, это открывает новые горизонты для творчества и инноваций, но также создает риск злоупотреблений и нарушения прав авторов и обладателей смежных прав. Авторское право должно эволюционировать вместе с технологическими изменениями, обеспечивая эффективную защиту как для традиционных авторов, так и для новых форматов творчества. При этом необходимо разработать гибкую правовую систему, способную адаптироваться к новым вызовам технологического прогресса. Важно, чтобы новые правовые подходы были ориентированы не только на защиту авторских и смежных прав как основную ценность данного института, но и способствовали инновационному прогрессу и культурному обмену в эпоху цифровых технологий.

Парсинг как один из способов автоматизированного копирования цифровой информации потенциально создает новый уровень угрозы нарушения авторских и смежных прав в сети Интернет, поднимает вопросы о легитимности использования и защите контента в различных цифровых форматах. Этот процесс требует комплексного к нему подхода, включающего разработку как юридических, так и технических мер защиты охраняемых объектов авторского и смежного права.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

1. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта. *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. [Ivliev G. P., Egorova M. A. Legal issues of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*, 2022, 26(6): 32–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.060>
2. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2016. 416 с. [Schwab K. *Technologies of the fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo, 2016, 416. (In Russ.)]
3. Маслов В. И., Лукьянов И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2017. № 2. С. 38–48. [Maslov V. I., Lukyanov I. V. The fourth industrial revolution: Origins and consequences. *Bulletin of the Moscow University. Series 27: Globalistics and geopolitics*, 2017, (2): 38–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytobwt>
4. Близнац И. А., Гаврилов Э. П., Добрынин О. В., Китайский В. Е., Леонтьев К. Б., Мухамедшин И. С., Орлова В. В., Синельникова В. Н., Тыцкая Г. И. Право интеллектуальной собственности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 896 с. [Bliznets I. A., Gavrilov E. P., Dobrynin O. V., Kitayskiy V. E., Leontyev K. B., Mukhamedshin I. S., Orlova V. V., Sinelnikova V. N., Tytskaya G. I. *Intellectual property law*. 2nd ed. Moscow: Prospect, 2024, 896. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycprb>
5. Галкин Н. А. Творческий труд как основной критерий охраноспособности объекта авторского права. In: Богустов А. А., Щербак Н. В. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 113–121. [Galkin N. A. Creative work as the main criterion of the copyright item's protectability. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 113–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuovxs>
6. Таран К. К. Предпосылки правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта. *Право и экономика*. 2023. № 1. С. 20–26. [Taran K. K. Prerequisites for the legal regulation of intellectual activity results created by using artificial intelligence. *Law and Economics*, 2023, (1): 20–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gqgqmw>
7. Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства. *Российское право: образование, практика, наука*. 2019. № 3. С. 75–81. [Kuteynikov D. L., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. The nature and legal features of cyber-physical, cyber-biological and artificial cognitive systems. *Russian law: Education, Practice, Researches*, 2019, (3): 75–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2019-3-75-81>
8. Шевченко О. А. Интеллектуальный робот как автор произведения или изобретения рецензия на книгу П. М. Морхата «Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект» (М.: Юнити-дана, 2018). *Закон и право*. 2018. № 8. С. 176–178. [Shevchenko O. A. Intelligent robot as the author of a work or invention. *Review of the scientific monograph P. M. Morgan "Intellectual property law and artificial intelligence"*. *Law & Legislation*, 2018, (8): 176–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2018-10131>
9. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2019. № 3. С. 5–22. [Vitko V. Analysis of scientific views of authorship and right for results of AI activity (continued). *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2019, (3): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jsfbce>
10. Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). М.: Статут, 2017. 216 с. [Entin V. L. *Copyright in virtual reality: New opportunities and challenges of the digital age*. Moscow: Statut, 2017, 216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrvvhz>
11. Мельникова Е. Н. Встраиваемость концепции электронного лица в правовую систему государства или государственного образования. *Российский юридический журнал*. 2022. № 2. С. 94–112. [Melnikova E. N.

- Embeddability of the concept of an electronic person in the legal system of the state or state entity. *Russian Juridical Journal*, 2022, (2): 94–112. (In Russ.) https://doi.org/10.34076/20713797_2022_2_94
12. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе. *Право и экономика*. 2024. № 1. С. 5–27. [Ваупан В. А. Digital law: Origins, concept and place in the legal system. *Law and Economics*, 2024, (1): 5–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eondkz>
  13. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2018. № 2. С. 61–73. [Morkhat P. M. Artificial intelligence unit as electronic personality. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2018, (2): 61–73. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>
  14. Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы. *Вестник Костромского государственного университета*. 2018. Т. 24. № 3. С. 280–283. [Morkhat P. M. Legal personality of artificial intelligence unit: Some civil-legal approaches. *Vestnik of Kostroma State University*, 2018, 24(3): 280–283. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoiokl>
  15. Вашеняк Н. Е. Искусственный интеллект и авторские права: международный опыт, этические дилеммы и путь регулирования в России. *Вестник науки*. 2024. Т. 3. № 3. С. 171–181. [Vashenyak N. E. Artificial intelligence and copyrights: International experience, ethical dilemmas, and regulation in Russia. *Vestnik nauki*, 2024, 3(3): 171–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qnlmje>
  16. Плешаков Е. А., Просвирнина М. И. Проблема авторства произведения, созданного нейросетью. *Образование и право*. 2023. № 7. С. 408–411. [Pleshakov E. A., Prosvirina M. I. The problem of authorship of a work created by a neural network. *Education and Law*, 2023, (7): 408–411. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-7-408-411>
  17. Останина Е. А. Особенности творчества в сети Интернет и новые формы соавторства. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 124–139. [Ostanina E. A. Special aspects of online creativity and new forms of co-authorship. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 124–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmlcsz>
  18. Сафин Р. Р., Маскин К. А., Поваров Ю. С. Правовое регулирование объектов авторского права, созданных с использованием «нейросети». *Правовое регулирование интеллектуальной собственности и инновационной деятельности*, ред. О. В. Сушкова. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 154–158. [Safin R. R., Maskin K. A., Povarov Yu. S. Legal regulation of copyright objects created using "neural network". *Legal regulation of intellectual property and innovation*, ed. Sushkova O. V. Moscow: RG-Press, 2018, 154–158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xzuimh>
  19. Рожкова М. А., Исаева О. В. Квалификация в качестве производных произведений объектов, создаваемых на основе результатов машинного обучения и «произведений» искусственного интеллекта. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 153–172. [Rozhkova M. A., Isaeva O. V. Qualifying objects based on machine learning results and artificial intelligence "works" as derivative works. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 153–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gyrotn>
  20. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 12. С. 94–109. [Channov S. E. Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law. *Actual problems of Russian law*, 2022, 17(12): 94–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109>
  21. Чурилов А. Ю., Трынченков Н. А. Охраноспособность результатов, созданных с помощью искусственного интеллекта. In: Богустов А. А., Щербак Н. В., Никифоров А. А. и др. *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М.: ГАУГН, 2023. С. 140–152. [Churilov A. Yu., Trynchenkov N. A. Protectability of results created with artificial intelligence. In: Bogustov A. A., Shcherbak N. V., Nikiforov A. A. et al. *Intellectual rights in the digital age: Selected aspects*. Moscow: GAUGN, 2023, 140–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oenvpl>
  22. Лукашова А. В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью. *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 28. С. 122–132. [Lukashova A. V. Copyright and works generated by a neural network. *Issues of Russian justice*, 2023, (28): 122–132. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkeoed>
  23. Гурко А. В. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2017. № 12. С. 7–18. [Gurko A. V. Artificial intelligence and copyright: A look into the future. *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2017, (12): 7–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zukikl>

24. Бойков В. А. Авторское право в эпоху развития цифровых технологий. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 10-2. С. 150–152. [Boykov V. A. Copyright in the digital age. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, (10-2): 150–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-10-2-150-152>
25. Калятин В. О. В каких пределах можно использовать содержание баз данных: проблемы и перспективы. *Закон*. 2023. № 5. С. 53–63. [Kalyatin V. O. To what extent can the content of databases be used: Some problems and perspectives. *Law*, 2023, (5): 53–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-5-53-63>
26. Меньшиков Я. С. Преимущества автоматического сбора данных в сети интернет над ручным сбором данных. *Universum: технические науки*. 2022. № 10-1. С. 33–36. [Menshikov Ya. S. Advantages of automatic data collection in the internet over manual data collection. *Universum: Technical sciences*, 2022, (10-1): 33–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwaetv>
27. Ворожевич А. С. Границы смежных прав. Интеллектуальная собственность. *Авторское право и смежные права*. 2019. № 11. С. 29–42. [Vorozhevich A. S. Boundaries of allied rights. *Intellektualnaja sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2019, (11): 29–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uirmge>
28. Рожкова М. А. Разрешение вопроса о легальности парсинга (скрапинга) в деле ВКонтакте v. Double Data. *Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)*, отв. ред. В. М. Жуйков. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ; Юридическая фирма Контракт, 2020. Вып. 27. С. 67–81. [Rozhkova M. A. Resolving the issue of the legality of parsing (scraping) in the VKontakte vs. Double Data case. *Comment on the practice of considering economic disputes: Judicial arbitration practice*, ed. Zhuikov V. M. Moscow: IZISP pri Pravitelstve RF; Juridicheskaja firma Kontrakt, 2020, iss. 27, 67–81. (In Russ.)]